

Снова о Вавилове и Лысенко

С. Резник

«Природа» часто пишет о Николае Ивановиче Вавилове. Возможно, когда-нибудь окажется, что эта тема вообще вечная, как вечна тема творчества и судьбы Галилея и Бруно, Моцарта и Шостаковича, Пушкина и Достоевского, Леонардо и Андрея Рублева. Все, что происходило с ними и с кругом лиц, причастных к их судьбе, создает персонифицированный, яркий образ времени, некое ядро, вокруг которого возникает поле притяжения, рождающее иллюзию надежды, что, расколов это ядро, мы наконец-то получим момент истины.

И вот, кажется, мы снова в погоне за этой иллюзией. Нам уже видится, что мы дотягиваемся рукой до высшей точки достижений Вавилова или, по крайней мере, можем разглядеть ее, можем провести водораздел между подлым и самоотверженным в недавнем опыте нашей науки, нащупать логику действия властных сил, которые так размашисто возвышали и губили гениев.

Эти строки можно назвать кратким размышлением, имеющим лишь косвенное отношение к публикуемому тексту. Его автор, Семен Ефимович Резник, вправе счесть их отвлекающим моментом. Но он далеко, в США, где живет уже 10 лет. Да к тому же крайне доброжелателен, что я отчетливо ощутила во время недавней нашей встречи в его уютном доме на окраине Вашингтона.

Впрочем, мы знакомы давно, по редакторской работе в «Природе» (был в его биографии такой недолгий эпизод). Мне нравились уже изданные и издававшиеся в ту пору его книги о Н. И. Вавилове, И. И. Мечникове, В. О. Ковалевском (они выходили огромными тиражами в ЖЗЛ и мгновенно раскупались). В эмиграции он продолжает писать, но теперь довольно редко о людях науки. Его интересы переместились в область социальной истории. За свой американский период он написал и издал немало, в частности такие книги, как «Красные и коричневые. Книга о советском нацизме», «Кровавое колесо» и, что для нас особенно интересно, дополнение к своей книге о Вавилове, состоящее из страниц, некогда изъятых цензурой.

Передавая мне свой очерк о Вавилове и Лысенко, Семен Ефимович хотел его увидеть именно в «Природе», к которой он сохранил подчеркнутое уважение.

Н. В. Успенская
Москва

Семен Ефимович Резник по образованию инженер-строитель. С 1960 г. занимается литературной деятельностью, с 1976 — член Союза писателей СССР. В Советском Союзе было опубликовано семь его книг, посвященных жизни и деятельности ученых. Каждая из этих книг была в большей или меньшей степени искалена цензурой. Последние три были цензурой вообще запрещены. В 1982 г. эмигрировал из СССР и сейчас живет в США. Работает в журнале «Америка».

СТОЛЕТИЕ Николая Ивановича Вавилова, совпавшее с начальным периодом гласности, вызвало к жизни целое море публикаций. Появилось немало материалов, имеющих большую ценность¹. Однако авторы, как правило, либо обходили «деликатный» вопрос о начальном периоде взаимоотношений Вавилова и Лысенко, либо повторяли ложную концепцию, предложенную много лет назад М. Поповским в его документальной повести «1000 дней академика Вавилова»² и сводившуюся к тому, что Н. И. Вавилов первым заметил Лысенко, активно выдвигал его и тем самым способствовал, хотя и невольно, разгрому генетики и своей собственной гибели. Даже в юбилейном докладе президента ВАСХНИЛ А. А. Никонова говорится: «На первых порах он (Вавилов. — С. Р.) оказывал поддержку в начи-

© Резник С. Снова о Вавилове и Лысенко.

¹ См., например: Николай Иванович Вавилов. Из эпиталярного наследия. 1929—1940 гг. М., 1987; Б а х т е в Ф. Х. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск, 1987; а также оригинальные публикации воспоминаний и документов в журналах «Природа», «Наука и жизнь», «Неделя» и др. Весьма содержателен небольшой очерк Е. Альбац «Гений и злодейство» (Московские новости. 1987. 15 ноября).

² Простор. 1966. № 7—8.

нениях молодого агронома Лысенко, содействовал его росту, даже рекомендовал его в академики АН УССР и члены-корреспонденты АН СССР, исходя из самых лучших надежд³.

Тот же мотив развивает академик А. Тахтаджян⁴.

Та же мысль стала ключевой в статье В. Соифера «Новый взгляд на эру Лысенко», опубликованной в английском «Nature»⁵. После публикации статьи (в которой не содержалось ничего нового) я направил в редакцию журнала письмо, в котором документально опроверг аргументацию Соифера, но получил ответ, что материал не может быть опубликован в разделе писем из-за слишком большого объема. Однако вдвое сокращенный текст письма тоже не был опубликован, причем редакция не прислала мне никакого ответа. Позднее в журнале все-таки появилась статья Э. Маневич, в которой убедительно показана несостоятельность версии Соифера. Более полный русский вариант этой статьи опубликован в «Вопросах истории естествознания и техники»⁶.

Однако если обратиться к истории проблемы, то мы увидим, что первая публикация данной версии Поповским тоже вызвала обоснованные и весьма решительные возражения со стороны одного из самых авторитетных исследователей лысенковщины Ж. А. Медведева. Его всякая, тщательно аргументированная критика⁷ камня на камне не оставила от фальшивой трактовки. И тем не менее в общественном сознании закрепилась схема Поповского⁸. На мой взгляд, главная причина состоит в том, что критики довольствовались опровержением ложных положений, но не предлагали собственного анализа динамики взаимоотношений Вавилова и Лысенко.

Попытка проследить за их развитием была предпринята мною в книге «Николай Вавилов» (ЖЗЛ, 1968 г.), но по цензурным условиям я не мог обосновать свою позицию с достаточной глубиной: книга и без того «усохла» на сто страниц, а после выхода в свет подверглась гонениям как «идеологически вредная». Сейчас к восстановлению исторической правды нет цензурных препятствий, но ложная концепция продолжает владеть умами.

ЛЫСЕНКО ДО ВСТРЕЧИ С ВАВИЛОВЫМ

Трофим Денисович Лысенко родился в 1898 г. в дер. Карловка Полтавской губернии. В 15 лет он окончил двухклассную деревенскую школу, потом учился в низшей садоводческой школе в Полтаве и в Училище земледелия и садо-

водства в Умани. В 1920 г. Лысенко стал работать в дер. Верхнячка на селекционной станции Главсахартреста. В 1922 г. поступил заочником в Киевский сельскохозяйственный институт, который окончил в 1925 г., после чего его направили в Гянджу (позднее Кировабад) в Азербайджане.

Опытную станцию в Гяндже возглавлял Н. Ф. Деревицкий, близкий друг директора Туркестанской селекционной станции (под Ташкентом) Г. С. Зайцева, выдающегося селекционера и знатока хлопчатника. Зайцев изучал культуру комплексно — как систематик, географ, генетик, селекционер, агроном. Деревицкий часто навещался в Ташкент к Зайцеву, а Зайцев наезжал в Гянджу, где был опорный пункт его станции. Деревицкий обратил внимание на применявшуюся Зайцевым методику определения оптимальных сроков посева хлопчатника: одни и те же сорта высеивались через каждые десять дней в течение полутора-двух месяцев. Начиная засеивать делянки в заведомо ранние сроки и заканчивая в заведомо поздние, Зайцев вел наблюдения за ростом, развитием, цветением, плодоношением растений, сопоставляя все это с тепловым и водным режимом, количеством вносимых удобрений и т. п. Повторяя опыты несколько лет подряд, он устанавливал оптимальные сроки посева для каждого сорта в каждой климатической зоне.

Понимая, что эта методика может быть применена и к другим культурам, Деревицкий задумал эксперименты с бобовыми. По его представлениям, в мягком азербайджанском климате бобовые могли расти зимой, когда поля пустуют. Выращенная к весне зеленая масса могла идти на корм скоту или запахиваться как удобрение. Проверить эту идею он и предложил новому сотруднику.

На протяжении двух лет Трофим Лысенко каждые десять дней высеивал одни и те же сорта не только бобовых, но также злаков и хлопчатника. Он натолкнулся на явление, которое его поразило, так как оно разрушало привычные представления о том, что чем больше тепла, тем быстрее растет и плодоносит растение. Оказалось, что если растение не развивалось определенное время при низких температурах, то дальнейшее развитие его замедляется и может вообще не дойти до цветения и плодоношения.

Правда, это явление еще в прошлом веке описал немецкий ученый Гаснер, а в 1923—1925 гг. его детально исследовал заведующий отделом физиологии вавиловского института профессор Н. А. Максимов. Применительно к хлопчатнику то же явление наблюдал Зайцев. Но Лысенко не был знаком с научной литературой. Сделанное им самостоятельно открытие произвело на него ошеломляющее впечатление.

Летом 1927 г. корреспондент «Правды» Виталий Федорович, объезжая Кавказ, заглянул и в Гянджу, посетил опытную станцию, где познакомился с Лысенко. «Босоногий профессор» вызвал у него «ощущение зубной боли»: «И на слово скупой, и лицом незначительный — только и помнится угрюмый глаз его, ползающий по земле с таким видом, будто по крайней мере собрался он кого-нибудь укокать».

Несмотря на немногословие собеседника,

³ Цит. по: Сов. культура. 1987. 26 ноября.

⁴ Лит. газета. 1987. 25 ноября.

⁵ Soifer V. New light on Lysenko's era // Nature. 1989. V. 7. N 339.

⁶ Вopr. истории естествознания и техники. 1992. № 2.

⁷ Медведев Ж. У истоков биологической дискуссии // Новый мир. 1967. № 4.

⁸ Наиболее полно она изложена в кн.: Поповский М. Дело академика Вавилова. Нью-Йорк, 1983. Недавно книга была также переиздана в Москве: Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1990.

журналист все же сумел понять поставленную перед агрономом задачу. Он написал, что Лысенко «решает (и решил) задачу удобрения земли без удобрительных и минеральных туков, обзеленения пустующих полей Закавказья зимой, чтобы не погибал скот от скудной пищи и крестьянин-турк жил зиму без дрожжи за завтрашний день»⁹.

На сенсационную статью обратили внимание многие. Заинтересовался работами начинающего специалиста и Николай Иванович Вавилов. Он направил в Гянджу молодого сотрудника отдела бобовых культур Иванова. Вернувшись, тот сообщил, что главные интересы Лысенко вовсе не в том, чтобы сеять бобовые зимой, а как раз наоборот: он мечтает озимые хлеба сеять весной. Иванов охарактеризовал Лысенко как энергичного и увлеченного, но малообразованного работника, который вряд ли сможет чего-то добиться без должного научного руководства и благоприятной среды. Возник проект пригласить Лысенко на работу в Институт прикладной ботаники, но запротестовал Максимов, который должен был стать его прямым руководителем. Вавилов не стал конфликтовать с одним из ведущих своих сотрудников, и проект не был осуществлен.

Летом 1928 г. Вавилов объезжал опытные станции своего института и других сельскохозяйственных учреждений. По утверждению Поповского, он посетил и Гянджу, где впервые встретился с Лысенко. Это мнение переключало в другие работы по истории генетики¹⁰, однако оно не подтверждается документами. Если такая встреча и состоялась, то она была мимолетной и никаких последствий не имела. Важнее другое: в 1928 г. в виде отдельной книги вышла в свет работа Лысенко «Влияние термических факторов на продолжительность фаз развития растений»¹¹, которая выделила молодого агронома из большого числа начинающих исследователей. В январе 1929 г. по инициативе Вавилова в Ленинграде состоялся Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. Поповский и Соيفер считают, что приглашение Лысенко на этот съезд было знаком особой милости к нему со стороны Вавилова и послужило стартом его научно-политической карьеры. Однако съезд был задуман как смотр сил всей сельскохозяйственной науки. В нем участвовали полторы тысячи работников, включая начинающих ученых и даже стажеров. Не пригласить на такой съезд Лысенко не было никаких оснований, и нет данных о том, что Вавилов лично присылал ему приглашение. Сообщение Лысенко прошло почти незамеченным. Выступил по нему только Максимов, который указал, что данные Лысенко в основном совпадают с тем, что давно вошло в обиход науки.

Вавилов, как председатель оргкомитета съезда, опубликовал о нем несколько небольших заметок и интервью. Известно семь таких публикаций. В первой из них, написанной еще до откры-

тия съезда, упоминается и Лысенко¹². Однако в следующих выступлениях, видимо, в связи с тем, что доклад агронома из Гянджи не оправдал ожиданий, Вавилов о нем не упоминал.

«ГОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»

Возвращаясь из Ленинграда, Трофим Лысенко остановился в родной деревне и уговорил отца-крестьянина провести опыт в своем хозяйстве. Денис Лысенко намочил семена озимой пшеницы в теплой воде, дал им набухнуть и слегка прорости, а затем ссыпал в два мешка и закопал в снег, где они пролежали около двух месяцев. Когда наступила пора весеннего сева, Денис Лысенко, наряду с яровыми, посеял выдержанные под снегом озимые.

Злые языки потом говорили, что он просто спрятал два мешка пшеницы от реквизиции, но зерно случайно намочило и проросло, и старику пришлось его высеять, дабы не пропало добро. Конечно, это легенда. Никакой крестьянин не стал бы высевать озимые весной, если бы не имел определенного замысла.

Озимая пшеница своевременно выколосилась и дала хороший урожай. 10 июля, до начала уборочной страды, Денис Лысенко, прихватив образцы растений, отправился в Харьков (тогдашнюю столицу Украины) и явился прямо в Наркомат земледелия.

В предыдущие два года (1927 и 1928) на Украине стояли неблагоприятные зимы, от которых сильно пострадали озимые. Между тем в стране был взят курс на индустриализацию, потребность в хлебе для растущего городского населения возросла, росли планы хлебозаготовок, и выполнять их надо было любой ценой. Наркомзем проводил совещания: на них обсуждали, как обеспечить устойчивые урожаи озимых. Но обещания ученых вывести зимостойкие сорта относились лишь к отдаленному будущему. И вдруг все оказалось проще пареной репы: крестьянин Денис Лысенко держал в руках выколосившийся снопок озимой пшеницы, посеянной весной!..

Комиссия республиканского наркомзема ознакомилась с чудо-пшеницей на месте. Урожай оказался не 30 ц/га, как говорил Денис Лысенко, а только 24, но и это было значительно выше среднего урожая яровых (10 ц/га). Трофима Лысенко, как инициатора эксперимента, пригласили в Харьков сделать доклад, после чего для него срочно создали Отдел яровизации в Украинском институте селекции и генетики в Одессе, которым руководил профессор А. А. Сапегин. Без консультаций с учеными наркомат постановил уже следующей весной засеять озимой пшеницей, обработанной по методу Лысенко, 1000 га земли. Сенсационные сообщения о замечательном открытии отца и сына Лысенко появились во многих газетах, в том числе в «Правде».

Только в ноябре 1929 г. «Сельскохозяйственная газета» провела дискуссию по вопросам яровизации. Высказывания видных ученых — Тулайкова, Максимова, Сапегина, Лисицина и других —

¹² Ленинградская правда. 1929. 10 января.

⁹ Правда. 1927. 7 августа.

¹⁰ См., например: Дубинин Н. П. Генетика — страницы истории. Кишинев, 1988. С. 53.

¹¹ Труды Азербайджанской центральной опытной станции. 1928. Вып. 3.

различались по тону, но в основном они высказались одинаково. Положительно оценив идею дальнейшего углубления исследований в области воздействия низких температур на вегетацию растений, внедрение яровизации в практику они считали преждевременным. А вскоре в той же газете появилась очень агрессивная статья за подписью «Наркомзем Украины», которая обвиняла оппонентов Лысенко в том, что они не знают, о чем говорят. Наркомат, естественно, спасал честь мундира: ведь постановление о массовом внедрении яровизации в практику исходило от него.

Какую же роль на этом первоначальном и потому самом критическом этапе карьеры Лысенко играл «первый агроном страны» Николай Иванович Вавилов? Ответ прост: никакой. Ни об опыте в хозяйстве Дениса Лысенко, ни о том, что за этим последовало, Вавилов не имел ни малейшего понятия, так как еще в июне 1929 г. отправился в Дальневосточную экспедицию, охватившую Западный Китай, Формозу (Тайвань), Японию и Корей. Вернулся он из экспедиции только 22 декабря.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И ЯРОВИЗАЦИЯ

В Одессе Лысенко подготовил и стал рассылать по только что созданным колхозам инструкцию по предпосевной обработке семян. Наркомзем Украины всячески способствовал этому началу и обязывал земельные органы на местах внедрять рекомендации Лысенко. О новаторе доложили в Москву, и Лысенко поддержал нарком земледелия СССР Я. А. Яковлев. Яровизация приобрела характер всесоюзной политической кампании. В колхозах и совхозах срочно создавали хаты-лаборатории, отыскивали «передовиков», которые в этих хатах мочили семена и затем до посева выдерживали их при низкой температуре, руководствуясь лысенковской инструкцией. Под яровизированные семена отводили лучшие земли: эти участки лучше обрабатывали, удобряли, за посевами велся особенно тщательный уход. Нередко в помощь яровизаторам направляли сотрудников опытных учреждений. Их отрывали от научной работы, чтобы обеспечить успех яровизации.

Результаты опытов стекались к Лысенко со всей страны, но отсутствие контрольных посевов обесценивало эти данные. Впрочем, и такие результаты Лысенко не подвергал статистической обработке. Он рапортовал об отдельных примерах хороших урожаев, полученных якобы благодаря яровизации, а все неудачи относил на счет неправильного выполнения инструкции. Он требовал распространить свой агроприем на все 100 млн. га зерновых, заявляя, что если яровизация даст прибавку только 1 ц/га, то страна получит дополнительно 100 млн. ц зерна.

Ну, а если не даст?... Сама постановка такого вопроса была равносильна вылазке классового врага. В 1931 г. агроном Лысенко был награжден орденом Трудового Красного Знамени, что означало официальное признание его выдающихся заслуг перед государством. (Ордена в те годы раздавались отнюдь не так щедро, как впоследствии:

ни Вавилов, ни кто-либо другой из ученых-биологов таких наград не имел.)

В 1932 г. по приказу Наркомзема под яровизированные посевы было отведено 200 тыс. га, к 1937 г. эта цифра была доведена (по крайней мере, по официальным данным) до 10 млн. га. «Бюллетень яровизации», который Лысенко начал издавать в 1932 г., а затем журнал «Яровизация» (с 1935 г.) рекламировали опыт «передовиков». Таково было лицо новой, «социалистической» науки, противопоставленной традиционной, «буржуазной». Реальные результаты никого не интересовали. Требовался охват, массовость, победные рапорты. Успехи яровизации символизировали успехи колхозного строя. Усомниться в пользе яровизации означало почти то же самое, что усомниться в правильности курса на социалистические преобразования в деревне, да и в социализме вообще. В 1935 г., выступая на Втором съезде колхозников-ударников, Лысенко говорил: «В нашей советской сельскохозяйственной науке день за днем развивается коллективизм в работе. Растет связь теории с практикой. В самом деле, кто разработал научные основы яровизации? Я в этом деле участвовал и знаю, кто еще в нем принимал участие. Может быть, их разработал Яков Аркадьевич Яковлев? Потому что, если бы он в 1930 г. не подхватил этого вопроса в зародыше, не было бы в таком виде и в такой форме яровизации на сегодняшний день, как мы ее имеем. Может быть, автор этого дела Родионов А. Д., который работает сейчас в лаборатории, молодой парень, 30 лет, рабочий, лучший знаток и настоящий специалист этого дела? Он как раз ведает всеми колхозными опытами в этой части. Может быть, это Лысенко, тот Лысенко, который перед вами, ученый Лысенко? Может быть, это колхозники создали ее, потому что и в этом году 25 тысяч колхозников участвовали в этом деле? Будет правильно на все эти вопросы ответить так: не имели бы мы яровизации без Якова Аркадьевича Яковлева, без А. Д. Родионова, без Лысенко. А все это вместе — наша советская действительность, наша колхозная действительность»¹³.

Каково же было отношение Вавилова к началу Лысенко? В сентябре 1931 г. он выступил на совещании в Наркомземе с обширным докладом под названием «Новые пути исследовательской работы по растениеводству». Доклад охватывал все основные аспекты этой проблемы, включая и ускорение вегетации растений. Пионерами в этой области науки Вавилов назвал американских ученых Алларда и Гарнера, которые установили связь между длиной вегетационного периода и продолжительностью светового дня. В качестве примера он указал на работы к тому времени умершего Зайцева: искусственно укорачивая световой день, он заставил плодоносить тропический многолетний хлопчатник. В этом же ряду Вавилов назвал работы Лысенко, которые давали еще один метод управления длиной вегетационного периода. По мнению Вавилова, этот метод позволял вовлечь в селекцию некоторые сорта из мировой коллекции растений, обычно не вызревающие в

¹³ Правда. 1935. 15 февраля.

условиях Советского Союза. В том же докладе Вавилов подчеркнул, что от яровизации не следует ждать немедленных практических результатов: «Пока мы еще не знаем, с какими сортами практически надо оперировать в каких районах. Еще не разработана самая методика предпосевной обработки посадочного материала. Еще нет оснований с полной гарантией идти в широкий производственный опыт»¹⁴.

Как видим, в оценке работ Лысенко Вавилов присоединился к тем, кто раньше высказался в «Сельскохозяйственной газете». Разница состояла только в том, что участники обсуждения 1929 г. были уверены, что весь сыр-бор поднялся из-за сенсации, раздутой газетами, тогда как в сентябре 1931 г. было хорошо известно, что «широкий производственный опыт» уже практически осуществляется в сотнях колхозов и власти придают этому движению значение важной политической кампании.

Выступление Вавилова было прямым вызовом не только по отношению к Лысенко, но и по отношению к наркому земледелия, по отношению к тысячам «опытников», мочивших семена в хатах-лабораториях по всей стране, и, в конечном счете, по отношению к «нашей колхозной действительности», которую Лысенко называл истинным автором яровизации как практического агроприема.

НАРКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Яков Аркадьевич Яковлев был типичным сталинским наркомом. В Наркомзем он пришел из Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) — одной из самых ранних и надежных вотчин Сталина. Не случайно наркомом земледелия он стал в год «великого перелома», когда была начата сплошная коллективизация.

Практическое проведение коллективизации Сталин возложил на партийный и государственный аппарат, на ОГПУ, в некоторых случаях на армию. По этим каналам спускались контрольные цифры на раскулачивание, реквизиции, депортацию, устанавливались сроки сплошной коллективизации. По этим же каналам шли наверх, к Сталину, рапорты о выполнении и невыполнении страшных заданий. Исполнители не думали о посевах и уборке, об урожае зерновых, о поголовье свиней и уходе за обобщественными лошадьми. Эта сторона дела как раз и лежала на земельных органах, которые находились в ведении Наркомата земледелия. В то время как партийно-советский аппарат и ОГПУ разваливали сельское хозяйство, Наркомат земледелия обязан был обеспечивать его продуктивность. Не видя иного пути для подъема разоренной, но согнанной в колхозы деревни, Яковлев обратился к ученым, благо в его подчинении оказалась целая Академия сельскохозяйственных наук. От них он ждал панацеи. В это время и появился Лысенко, ученый-крестьянин, ориентированный на практику и бравшийся решить такие проблемы, перед которыми пасовала «буржуазная» наука.

Однако приписывать Яковлеву все зло лысенковщины и все ужасы войны против крестьянства (как это делают ныне публицисты журнала «Наш современник», злорадно подчёркивающие, что настоящая фамилия Яковлева — Эпштейн) столь же нелепо, сколь и отрицать его активное участие в осуществлении сталинской политики.

Выдвигая Лысенко, Яковлев вовсе не стремился к расправе над Вавиловым и его школой. До 1935 г. он соблюдал известный баланс между двумя направлениями. Даже после того, как Сталин в феврале 1935 г. на втором съезде колхозников-ударников публично поддержал Лысенко («Браво, товарищ Лысенко, браво!»), когда стало ясно, что Вавилов в опале, Яковлев не спешил прикончить генетику. Только в январе 1937 г. он выступил с воинственной речью, в которой назвал генетику «служанкой ведомства Геббельса». Но это уже было судорожной попыткой выскользнуть из ежовых рукавиц, которые сжимали его все сильнее.

В 1937 г. Я. А. Яковлев (в то время уже заведующий сельхозотделом ЦК), М. А. Чернов (Наркомат земледелия) и А. И. Муралов (президент ВАСХНИЛ) были арестованы. Их обвинили а проведении правотроцкистской (т. е. бухаринской) линии в сельском хозяйстве, Лысенко поспешил заявить, что арестованные (перед которыми он еще недавно пресмыкался) во вредительских целях «недостаточно» поддерживали его. Новый сталинский нарком земледелия И. А. Бенедиктов уже не повторил этой ошибки. При Бенедиктове Лысенко стал президентом ВАСХНИЛ и сразу же взял курс на ликвидацию Вавилова.

«БУРЖУАЗНЫЙ» СПЕЦИАЛИСТ

Для понимания динамики отношений Вавилова и Лысенко необходимо остановиться на лояльности Вавилова к тоталитарному режиму, которую Поповский и вслед за ним Сойфер ставят вне всякого сомнения. Этот вывод нуждается в существенном уточнении.

Вавилов не конспирировал против советской власти, честно работал на благо науки, старался быть полезным сельскому хозяйству своей страны и, следовательно, был лоялен к режиму в общепринятом смысле этого слова. Однако в коммунистическом государстве существуют особые критерии лояльности. Каждый человек здесь подозрителен, но особенно ненадежными считаются «классово чуждые элементы», к числу которых относился и Вавилов, как «буржуазный» ученый и сын эмигрировавшего капиталиста.

Подымать разоренное хозяйство без специалистов было невозможно. А «свои», рабоче-крестьянские специалисты отсутствовали. Число «буржуазных» спецов за годы гражданской войны и «военного коммунизма» тоже изрядно поубавилось: значительная их часть погибла от голода и болезней или эмигрировала. Тем ценнее были оставшиеся. Но им не доверяли. И чем более высокий пост такой «спец» занимал, тем бдительнее был надзор.

Всесоюзный институт прикладной ботаники (с 1930 г.— Всесоюзный институт растениеводства

¹⁴ Социалистическое земледелие. 1931. 13 сентября.

ва — ВИР) был одним из самых крупных научных учреждений страны. Кроме основной базы в Ленинграде в него входила сеть опытных станций, государственная система сортоиспытания и семеноводства. До 1929 г. Вавилов возглавлял также Государственный институт опытной агрономии, а в 1929 г. организовал и возглавил Академию сельскохозяйственных наук. В 1930 г. он возглавил Лабораторию генетики Академии наук СССР — после смерти ее заведующего Ю. А. Филиппченко. С 1933 г. Лаборатория превратилась в Институт генетики. Таким образом, под руководством Вавилова оказалось большое число научных учреждений.

Казалось бы, все это свидетельствовало о доверии к Вавилову со стороны государственного и партийного руководства. И все же в глазах властей он оставался буржуазным специалистом, за которым необходимо присматривать. Председателем совета Института прикладной ботаники был Н. П. Горбунов, бывший личный секретарь Ленина, который стал «комиссаром» при Вавилове.

К счастью, это был весьма толковый и интеллигентный комиссар. Но и для Горбунова Вавилов был буржуазным ученым, что приводило к недоразумениям и прямым конфликтам. Так, в 1929 г. Горбунов «посоветовал» Вавилову отложить экспедицию в Западный Китай в связи с тем, что нужно разворачивать институты Академии сельскохозяйственных наук.

В письме от 2 июня Вавилов категорически отказался выполнить это требование и подал в отставку. Мотивируя свое решение, он писал: «Соглашаясь на взятие тяжелых обязанностей администрирования огромным коллективом, я, конечно, имел право рассчитывать на естественное предоставление свободы в моей научной работе, которая тесно связана со всей работой института... Я никогда не стремился к административным должностям, и не стремлюсь к ним и теперь, и считаю себя более на месте в лаборатории и на поле в качестве научного руководителя, и готов остаться в скромной роли ученого специалиста, самое большое — заведующего отделом полевых культур, но вообще без всяких претензий на какое-либо звание»¹⁵.

Это письмо во многом повторяет написанное двумя годами раньше, когда Вавилов, вернувшись из экспедиции по странам Средиземноморья и Эфиопии, узнал, что его деятельность директора института подвергается критике и что критику поддерживает Горбунов. Подавая в отставку, Вавилов отверг все обвинения в «недостаточности» руководства и объяснил свою позицию. Смысл ее сводился к тому, что учеными нельзя командовать. Задачу руководителя Вавилов видел в том, чтобы правильно, т. е. в соответствии с реальным научным весом, подобрать кадры и предоставить им полную свободу действий, лишь согласовывая и координируя их работу¹⁶. Он не жалел никаких усилий, «выбивая» для работников

квартиры, персональные оклады, дополнительные ассигнования и штатные единицы, но всегда категорически возражал против навязывания ученым не интересующей их тематики, выступал против бессмысленных реорганизаций, свертывания участков работы в целях борьбы с так называемым параллелизмом. По стандартам того времени такой стиль руководства безусловно считался «буржуазным».

Вавиловский институт то и дело пощипывала пресса. Так, в 1929 г. «Правда» напечатала стихотворный фельетон Демьяна Бедного по поводу якобы состоявшегося молебствия и водосвятия в Фитопатологической лаборатории. Фельетон перепечатали «Вечерняя Москва» и ленинградская «Красная газета», хотя никакого молебствия, разумеется, не было: в то время это уже было невозможно. Вавилов послал в газеты опровержение, но его не напечатали. Годом позже в «Правде» появилась статья «Институт благородных ботаников» — о том, что в вавиловском институте «свили гнездо» бывшие дворяне. Вавилов снова послал в газету свои разъяснения: в институте работают крупнейшие специалисты своего дела; большинство из них получило образование еще до революции, когда доступ к нему рабочих и крестьян был ограничен; поэтому неудивительно, что многие работники института происходят из дворян. Разъяснение газета тоже не напечатала, и впечатление о том, что ВИР — это прибежище для «бывших», осталось надолго.

Положение Вавилова как руководителя особенно осложнилось после того, как к ВИРУ был прикреплен институт аспирантуры, первоначально созданный при ВАСХНИЛ. Если при приглашении сотрудников в свой институт Вавилов «буржуазно» интересовался их подлинным научным весом, а не анкетными данными, то для поступления в аспирантуру решающую роль играло рабоче-крестьянское происхождение, партийность, неучастие в оппозициях, а не знания и склонность к научной работе. В институте возникло то, что Вавилов мягко называл «дисгармониями». Нарушилась «спайка» работников, которую он особенно ценил. Некоторые аспиранты стали нападать на своих руководителей, обвиняя их в кастовости, идеализме, нежелании делиться своими знаниями. Не могло быть и речи о том, чтобы отчислить кого-либо из крикунов, хотя обвинениями в адрес руководителей они лишь прикрывали собственное неумение или нежелание учиться. Ведь это были не дети помещиков, капиталистов, интеллигентов, а рабоче-крестьянские кадры, на которые Сталин делал основную ставку.

Вскоре обвинения в реакционности всего научного направления, созданного Вавиловым, появились в печати. Относительно того, чем это грозит, Вавилов не питал никаких иллюзий. Будучи по натуре деятельным оптимистом, он, правда, верил в здравый смысл, однако окружающая действительность сильно подрывала эту веру.

«Шахтинское дело» открыло кампанию против специалистов, в которых власти, казалось бы, так сильно нуждались. Вскоре репрессии коснулись биологов и агрономов, которых Николай Иванович хорошо знал. В архивном фонде ВИРа сохранились копии десятков писем, направленных

¹⁵ Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1929—1940 гг. С. 51.

¹⁶ Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1911—1928 гг. М., 1980. С. 306—310.

Вавиловым в ОГПУ, в которых он с самой лучшей стороны характеризовал арестованных ученых. Эти письма говорят о гуманности Николая Ивановича, и они же — свидетельство его бессилия. Единственное, о чем он мог просить, это об использовании арестованных не на общих работах, а по их специальности — в интересах страны, разумеется, а не самих арестованных. А ведь часто речь шла о людях, за которых он мог бы поручиться как за самого себя.

Публикация переписки Вавилова с М. О. Шаповаловым приоткрывает завесу над тем, что думал Николай Иванович о репрессиях. Крупный специалист-растениевод, Шаповалов эмигрировал еще до революции и работал в Министерстве сельского хозяйства США. С Вавиловым он познакомился в 1921 г., и они стали друзьями. Шаповалов мечтал вернуться на родину, и Николай Иванович взялся ему помочь. Однако в октябре 1931 г. Вавилов написал своему заокеанскому другу из Берлина: «Пользуюсь случаем написать Вам коротенько причины того, что до сих пор мы не послали Вам официального приглашения к нам.

Эта (прошлая ныне) весна была **не очень легка для специалистов в СССР**. Волна недоверия в связи с процессами Рамзина, Суханова, Осадчего и др. пошла дальше и выразилась недоверием вообще к интеллигенции. Началась суровая и, как правило, несправедливая критика под углом якобы диалектического материализма. Устранено от заведования много специалистов. Часть была даже под арестом в связи с обвинениями в контрреволюции. Это не подтвердилось во многих случаях, но **немало людей пострадало зря**.

Писать об этом неприятно. Многие в прошлом. Но, относясь к Вам дружески, я конечно, не мог Вас вовлекать в эту пору к нам и просто ни я, и никто другой из нас **не мог Вам гарантировать нормальной работы**»¹⁷. (Подчеркнуто везде Н. И. Вавиловым.— С. Р.).

Это письмо объясняет многое. В частности, загадочные отношения Вавилова с Ф. Г. Добжанским, крупным генетиком, который в 20-е годы был направлен в США на стажировку и решил остаться там навсегда. Николай Иванович горячо убеждал Добжанского вернуться в СССР, обещая самые лучшие условия для работы. Добжанский колебался, что заставляло Николая Ивановича убеждать его с еще большей горячностью. Но внезапно переписка прекратилась — относится это тоже к 1931 г. Теперь ясно почему.

Травля Вавилова усиливалась. В 1932 г. была опубликована брошюра лингвиста Г. В. Григорьева, посвященная разгору вавиловской теории центров происхождения культурных растений. Заявив, что Вавилов «разделяет точку зрения индоевропейского языкознания», Григорьев писал: «Реакционная, шовинистическая, западноевропейская лингвистическая теория производит индогерманцев от какого-то индогерманского пранарода, индогерманской расы... Н. И. Вавилов повторяет

любого индоевропейца, забывая о диалектическом характере исторического процесса... Кто научил этого «первобытного земледельца» высочайшей технике ирригации? Царь? Бог? Герой? Где та обетованная индогерманская прародина, в которую в настоящее время верят лишь метафизики и идеалисты?»¹⁸

Такая «критика» в любой момент могла обернуться арестом. Выручало то, что никто из противников не мог, да и не пытался предложить какую-нибудь альтернативу теориям Вавилова, на которых основывалась работа ВИРа и других научных учреждений. Такой альтернативой и стало «мичуринское» учение Т. Д. Лысенко.

КАК ТВОРИТСЯ ЛЕГЕНДА

В статьях, письмах и выступлениях Вавилова можно найти ряд положительных высказываний о некоторых аспектах ранних работ Лысенко. Эти аспекты сводятся к применению **явления** яровизации для научных экспериментов: выведения скороспелых сортов и выравнивания сроков цветения разных сортов для вовлечения их в скрещивания. Аналогичные высказывания делали и другие ученые, так что ничего исключительного в позиции Вавилова не было. Для подтверждения версии о том, будто Вавилов выдвигал Лысенко, этого явно недостаточно, поэтому Поповский широко использует и произвольно истолковывает весьма сомнительную, а то и недостоверную информацию. Вот один из примеров: «Многолетний друг Николая Ивановича, его однокашница по Петровской академии, Лидия Петровна Бреславец, в интервью, данном незадолго до смерти, сообщила радиожурналистке А. Г. Хлавна: «Николай Иванович сам втягивал Лысенко на высоту. Вот как-то раз я была на ученом заседании в тридцать четвертом году, когда Николай Иванович говорил: «Мы сейчас попросим [выступить], есть такой молодой человек, подающий большие надежды, ученый Лысенко». Лысенко себя тогда уже держал так, что мы не выдержали и сказали Николаю Ивановичу — это страшно, зачем он так его тянет вверх...»¹⁹

Это высказывание приводится без всякой критики, между тем оно совершенно абсурдно: в 1934 г. слава 36-летнего Лысенко гремела по всей стране; назвать его «молодым человеком, подающим большие надежды», можно было только в насмешку. И в любом случае эта информация не могла исходить от Л. П. Бреславец. Я имел возможность познакомиться с рукописным (доцензурным) вариантом ее воспоминаний и могу засвидетельствовать, что о «втягивании» Вавиловым Лысенко на научный олимп в них не говорилось. Кроме того, мне довелось много раз беседовать с Лидией Петровной. Ни слова о том, будто Вавилов «втягивал» Лысенко, я от нее не слышал. Не говорила она ничего подобного и Поповскому, который тоже встречался с ней, — иначе он сослался бы непосредственно на свою собеседницу.

¹⁸ Григорьев Г. В. К вопросу о центрах происхождения культурных растений (Разбор теории академика Вавилова Н. И.). Л., 1932.

¹⁹ Поповский М. Дело академика Вавилова. С. 92.

¹⁷ Природа. 1987. № 10. С. 100.

Вот еще одно документальное «доказательство» Поповского: «Мы располагаем документом (да, снова документом!), который позволяет судить, насколько искренним и даже горячим был у Вавилова этот интерес (к яровизации. — С. Р.). Я имею в виду так называемую Академическую записную книжку Н. И. Вавилова за 1934 г. Здесь, на странице 151, среди сугубо личных пометок, совершенно не предназначенных для чужих глаз, можно прочитать следующие набросанные карандашом строки: «4—5000000 пуд прибавки от яровизации ... картофеля... Яровизация светом... Лысенко яровизовал комплексом низких t° (температур). Условия развития растений требуют везде **фактора** низких температур...» (Выделено Вавиловым.— М. П.)

На другой странице среди плохо разбираемых записей снова:

«Яровизация Лысенко...

Работать...

Генетика **вегетационный период**

Управление формообразованием

Широкий простор».

Наконец, на странице 189 той же книжки читаем: «Яровизация широких ресурсов — новый метод растениеводства». Здесь уже не просто констатация фактов, а целая программа действий, которую Николай Иванович намечает для советской агрономической науки. Эти сделанные в разное время записи говорят нам еще об одном: с каким живым личным вниманием академик Вавилов приглядывался в те годы к творцу яровизации»²⁰.

Характер процитированных отрывков показывает, что это краткие пометки по ходу чих-то выступлений. Судить о том, в каком случае Вавилов фиксирует собственную мысль, а в каком — чужую, можно только после глубокой аналитической работы. Но этим Поповский себя не утруждал. Цитируемый документ им даже полностью не прочитан: другие записи в той же книжке «плохо разбираемы».

Произвольные интерпретации документов позволяют делать еще более произвольные обобщения: «Постоянное возвеличивание (Вавиловым.— С. Р.) заслуг одесского растениевода вскоре дало свои плоды: на Лысенко обратили внимание высокие должностные лица. В Одессу зачастили гости из столицы Украины, а потом и из Москвы... Народный комиссар земледелия СССР Я. А. Яковлев даже предоставил ему своеобразную привилегию: Лысенко мог по любому поводу обращаться лично к Наркому...»²¹

Так выстраивается линия: Вавилов первым подхватил работы Лысенко, стал его возвеличивать, рекомендовать партийно-политическому руководству, благодаря чему тот получил поддержку украинских, а затем и центральных властей.

КОЛХОЗНЫЙ УЧЕНЫЙ

Настаивая на своей версии о том, будто

Вавилов, вопреки оппозиции других ученых, покровительствовал Лысенко, Поповский и Соيفер невольно останавливаются в недоумении: как же невежда сумел так смеленничать, что провел крупнейшего знатока смольтурных растений? Поповский выдвигает версию о чрезмерной доверчивости Вавилова, Соифер говорит о его непонятной слепоте. Но это все равно, как если бы Паганини из доверчивости и слепоты признал виртуозом музыканта, лишеного слуха и не умеющего держать смычок!

На самом деле не было ни доверчивости, ни слепоты, а на начальном этапе — даже мошеничества Лысенко. Он безгранично верил в то, что яровизация на миллионах гектаров колхозных и совхозных полей приведет страну к изобилию. Поэтому о временных, как ему казалось, неудачах он писал вполне откровенно, указывая, что урожай яровизированных посевов колеблется от 27 до 3 ц/га и что главная причина низких результатов — изреженность всходов, вызванная недостаточным умением и старанием опытников²².

Именно этого и опасались Вавилов и другие ученые. Набухшие и проросшие семена — это деликатный материал. Неосторожное прикосновение к такому семени — и росток сломан, оно теряет всхожесть. А прикасаться надо: лежащее толстым слоем влажное зерно греется, его необходимо перелопачивать. Отсюда и изреженность посевов.

Неужели же Николай Иванович не видел того, что видели все ученые, включая самого Лысенко?

Но если Вавилов в собственном институте был бессилен обуздать крикунов рабоче-крестьянского происхождения, то как же он мог остановить продвижение «колхозного ученого», ставшего символом передовой науки, которая спасает озимые хлеба от суровых зим, а яровые — от выжигающего суховея! Оставалось только одно: «цивилизовать» самого Лысенко, направить его энергию в созидательное, а не разрушительное русло.

Как уже говорилось, в сочинениях, письмах и выступлениях Вавилова начала 30-х годов можно найти немало положительных высказываний в адрес Лысенко. Но Вавилов поощрял только одно — теорию стадийного развития, позволявшую, как тогда казалось многим ученым, глубже проникнуть в природу растений и шире использовать богатства мировой коллекции. Если это было ошибкой, то не Вавилова, а всей науки того времени.

Между тем сегодня ставят в вину Вавилову буквально все, даже то, что он снабжал Лысенко семенами из мировой коллекции. Но ВИР рассылал семена всем желающим, в том числе школьникам, пенсионерам, различным доморощенным любителям. Как же он мог отказать одному из крупных научных учреждений, каким был Одесский институт? Да и зачем было отказывать? Вавилов как раз был заинтересован в том, чтобы Лысенко проверил на яровизацию

²⁰ Там же. С. 93.

²¹ Там же. С. 91.

²² Подробнее см.: Резник С. Дорога на эшафот. Нью-Йорк—Париж, 1983. С. 51—52.

как можно больше сортов. К тому же он надеялся, что такая работа увлечет Лысенко, он бросит свои авантюры и станет «нормальным» ученым. Дальнейшее зависело бы от его упорства и готовности учиться.

Эта тактика не привела к успеху, но никаких других возможностей противостоять лысенковщине у Вавилова не было. Разве что взятая за «разоблачение» самого Лысенко, т. е. написать статью о реакционности, антимарксизме, идеализме его взглядов, а заодно отправить донос в ОГПУ, в котором назвать его отца кулаком, намеренно укрывавшим зерно, а затем с яровизацией на миллионах гектаров — вредительской и имеющей целью подорвать колхозный строй. Но чтобы пойти по этому пути, Вавилов должен был перестать быть самим собой.

Доказывая, что отношение Вавилова к работам Лысенко в корне отличалось от отношения других ученых, Соيفер сталкивает два высказывания. Одно принадлежит Вавилову, который писал, что исследование мирового разнообразия зерновых культур методом яровизации выявило факты большого значения. Второе взято из работы П. Н. Константинова, П. И. Лисицина и Д. Костова, которые, обработав опыты, проводившиеся в течение пяти лет, установили, что яровизация не дает увеличения урожая²³.

Но если эти точки зрения противоположны, то почему же ни Лисицин, ни Константинов, активно участвовавшие в биологических дискуссиях, ни разу не упрекнули Вавилова в том, что он поддерживает антинаучные начинания? И почему Вавилов ни разу не усомнился в научной достоверности их исследования? Объясняется это тем, что противоположность позиций, эффектно сталкиваемых Соифером, кажущаяся. Речь идет о совершенно разных значениях термина «яровизация». Высказывание Вавилова касается **явления яровизации** и его полезности для экспериментального изучения растений, тогда как Константинов и соавторы говорят об яровизации **как практическом агроприеме**. Работа Константинова экспериментально подтвердила то, о чем Вавилов предупредил еще в 1931 г. С другой стороны, Константинов никогда не высказывался против применения яровизации для исследовательских целей.

В укор Вавилову можно поставить лишь то, что он рекомендовал Лысенко в члены Академии наук Украины (1932) и в члены-корреспонденты АН СССР (1934). Об этих его тактических ходах задним числом можно сожалеть. Однако Лысенко имел столь мощную политическую поддержку, что вавиловские рекомендации не могли сколько-нибудь существенно усилить его позиции. К тому же остается неизвестным, от кого исходила инициатива этих выдвижений. Кто-то ведь «посоветовал» Вавилову написать рекомендательные письма. Если бы Николай Иванович отказался, то с его стороны это было бы принципиальным поступком. Но это означало бы идти на открытый конфликт, самому дать козыри против «благородных ботаников»,

не желающих впускать в свой элитарный круг колхозного ученого-орденоносца. Пока не были исчерпаны возможности «мирного сосуществования» с Лысенко, идти на такой конфликт вряд ли было разумно.

Но конфликт был все равно неизбежен, так как Лысенко не сомневался в том, что его главный враг — Вавилов. Имея возможность прямо обращаться к Яковлеву по любому поводу, Лысенко в 1932 г. добился того, что нарком объявил Вавилова всячески содействовать его работе.

Николай Иванович поехал в Одессу. Он сидел с «колхозным ученым» в лаборатории, ходил по опытным делянкам, ездил по колхозам. Яровизированные посевы были изреженными. Лысенко опять жаловался на то, что его инструкцию плохо выполняют, но факт оставался фактом: практике его агроприем приносил больше вреда, чем пользы.

Из бесед с Лысенко Вавилов понял, что тот имеет самые дремучие представления о наследственности. Доказывая, что «воспитанием» можно добиться всего, чего угодно, он дал обещание заставить плодоносить годовалый дуб. Об этом странном обещании, конечно невыполненном, Вавилов вспомнил через три года, говоря об ошибках Лысенко.

В том же, 1932 г. Лысенко взял на себя обязательство вывести для Одесской области методом гибридизации за 2,5 года новый сорт пшеницы, который будет урожайнее районированных сортов. Обязательство было абсурдным, ибо только сравнительные испытания готового сорта должны проходить на опытных станциях минимум три года. А ведь гибриды расщепляются в потомстве; чтобы выделить и закрепить константную форму, нужно вести отбор во многих поколениях. Поэтому выведение сорта обычно длится 10—12 лет и больше.

Однако лысенковское обязательство очень импонировало руководству: оно было эффективным, «большевицким». От ученых давно уже требовали сократить сроки выведения сортов до трех-четырёх лет. Напрасно ученые доказывали, что это нереально, что если бы удалось сократить срок до восьми лет, это уже было бы огромным достижением. В 1931 г. было принято постановление ЦК партии, в котором был записан этот четырехлетний срок. Вот Лысенко и решил утереть нос «благородным ботаникам»: вы говорите, что за четыре года сорт получить нельзя, а я сделаю за два с половиной!

Реакция ученых была соответствующей. Вавилов, в частности, возразил против браковки гибридов в первом поколении, хотя именно такую методику применил Лысенко.

Вскоре Лысенко выступил с идеей внутрисортového скрещивания, что, по его утверждению, должно было дать повышение урожая. На практике это значило перепортить все селекционные сорта, что обеспокоило ученых, и, конечно, Вавилова, который нес главную ответственность за семеноводство в стране.

В 1935 г. Лысенко отпартовал телеграммой на имя заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК Я. А. Яковлева, наркома земледелия М. А. Чернова и президента ВАСХНИЛ

²³ Soifer V. // Nature. 1989. V. 7. N 339. P. 417.

А. И. Муралова, что обязательство вывести сорт за 2,5 года выполнено, хотя никакого сорта не было, а полученные «номера» не прошли сортоиспытания. Обман был настолько циничным и открытым, что в этом не могли сомневаться и те, кому была адресована телеграмма. Однако новая победа «колхозного ученого» прививалась к очередной победе колхозного строя, а признание его поражения было бы равносильно признанию того, что колхозный строй себя не оправдывает. Как могло пойти на это сталинское руководство после всех тех ужасов, какие принесла народу коллективизация?

В феврале 1935 г. Сталин сказал свое знаменитое: «Браво, товарищ Лысенко, браво!» В феврале 1935 г. внезапно было отменено давно запланированное празднование двойного юбилея: 10-летия ВИРа и 25-летия научной и общественной деятельности Вавилова. Затем Вавилов был смещен с поста президента ВАСХНИЛ (назначен одним из вице-президентов). Так подспудно копившееся недовольство вылилось в открытую опалу. И в том же, 1935 г. Академия сельскохозяйственных наук отправилась на выездную сессию в Одессу. Почему для этого была выбрана вотчина «колхозного ученого», объяснять не приходилось. И именно здесь, «на поле противника», Вавилов открыто схлестнулся с Лысенко по целому ряду принципиальных вопросов биологической науки: о браковке гибридов первого поколения, перекрестном опылении самоопылителей, об инцухт-гибридах кукурузы...

Если Сойфер утверждает, что «только в 1936—1937 годах Вавилов осознал, человеком какого сорта был его протее»²⁴, то это не новый взгляд на зру Лысенко, а повторение ошибочных построений Поповского.

ДОРОГА НА ЭШАФОТ

Анализируя материалы генетических дискуссий, можно обнаружить немало ошибок, допущенных защитниками генетики. Можно обнаружить и худшее: то, что Николай Иванович с грустной иронией называл «направленными мутациями» в умах ученых, переметнувшихся в лагерь Лысенко. Вавилов цитировал высказывания академика Б. А. Келлера, который в 1933 г. писал об огромных успехах генетики, а позднее полностью присоединился к Лысенко, громившему генетику как буржуазную лженауку. Еще более чувствительный удар нанес Вавилову И. Г. Эйхфельд, заведующий полярной станцией ВИРа, где велись исследования по продвижению земледелия на север. Вавилов гордился работами полярной станции и указывал на них как на пример того, что ВИР приносит пользу практике. Но Эйхфельд заявил, что всегда работал методами Лысенко, а не Вавилова. (Предательство было вознаграждено. После ареста Вавилова Эйхфельд был назначен директором ВИРа. Позднее он стал президентом Академии наук Эстонии, где насаждал лысенковщину даже после падения Лысенко.)

Кроме столь открытого «мутирования» можно привести примеры конъюнктурного лавирования, которое также ослабляло позицию генетиков. На начальном этапе дискуссий в этом отношении особенно выделился саратовский селекционер Г. К. Мейстер, выдающийся ученый, автор блестящих работ по отдаленной гибридизации и создатель превосходных сортов пшеницы, занимавших миллионы гектаров. В 1934 г. Мейстер опубликовал критический анализ основных законов наследственности, в котором, вслед за Лысенко, утверждал, что генетика оторвана от запросов сельского хозяйства. Позиция Мейстера импонировала новому президенту ВАСХНИЛ Муралову, а значит, и тем, кто его назначил: Чернову, Яковлеву, Сталину. В 1935 г. Мейстер стал вице-президентом ВАСХНИЛ.

На дискуссионной сессии в декабре 1936 г. Мейстер решительно отделил себя от Вавилова и других сторонников классической генетики. Он присоединился к нападкам на нее со стороны Лысенко и Презента, хотя осудил их крайности. Влияние Мейстера стало столь значительным, что в 1937 г., после ареста Муралова и до его собственного ареста, он несколько месяцев исполнял обязанности президента ВАСХНИЛ. Любопытно, что Поповский причисляет Мейстера к числу самых непримиримых противников Лысенко, в противоположность Вавилову, который якобы его поддерживал!

Даже среди тех, кто защищал генетику, не было единства, столь необходимого в той сложной ситуации. Весьма характерна позиция Н. П. Дубинина, одного из самых молодых участников дискуссии. Дубинин вырос и сформировался после революции и вполне усвоил боевой лексикон своего времени. Если Вавилов, Кольцов, Серебровский и другие представители классической генетики вели дискуссию строго в рамках обсуждавшихся научных проблем, если они были весьма сдержанны в выражениях и стремились к тому, чтобы перенести спор с общественной трибуны в лабораторию и на опытные делянки, то Дубинин широко использовал то же оружие, какое пускали в ход Лысенко и Презент: он обвинял оппонентов в идеализме, антимарксизме, антидарвинизме и т. п. Те же обвинения Дубинин выдвигал и против представителей классической генетики, особенно своих учителей — Н. К. Кольцова и А. С. Серебровского. В идеализме он обвинял и Вавилова. Те, кто следил за дискуссией со стороны, могли из этого сделать лишь один вывод: обвинения в адрес генетиков не бесспорны, коль скоро их повторяет представитель их собственного лагеря. Между тем Дубинин до сих пор убежден, что его выступления были единственно правильными и что разгром генетики произошел потому, что Кольцов, Серебровский, Вавилов и другие лидеры не стали бичевать самих себя²⁵.

На декабрьской сессии 1936 г. академик Кольцов выступил с превосходной речью, в ко-

²⁵ См.: Дубинин Н. П. Вечное движение. Изд. 3-е. М., 1989; Дубинин Н. П. Генетика — страницы истории.

²⁴ Ibid.

торой заявил, что вместо того, чтобы критиковать генетику, нужно учиться генетике. Однако персонально этот призыв он адресовал не Лысенко, а ...Вавилову, сказав, что тот недостаточно знает генетику, так как не работает с дрозофилой. Не трудно понять, какое впечатление такие заявления производили на тех руководителей, которые, возможно, еще не окончательно определили свое отношение к спору: если Кольцов говорит, что сам Вавилов не знает генетики, то эта реакционная заумь действительно никому не нужна!

Восприняв результаты декабрьской сессии как катастрофу, Кольцов обратился в президиум ВАСХНИЛ с призывом «спасать науку» от полного разгрома и собрать новую, узкую сессию (т. е. одних членов академии), чтобы еще раз обсудить спорные вопросы, но на высоком научном уровне. К сожалению, этот мужественный поступок уже не мог принести пользу науке. Президиум ВАСХНИЛ требование Кольцова отклонил. В протоколе говорится, что решение принято тремя голосами (А. И. Муралов, Г. К. Мейстер, Д. С. Марголин) при двух воздержавшихся (Н. И. Вавилов, М. М. Завадовский). Воздержавшиеся согласились с Кольцовым, что «на данной стадии более отчетливо видны отрицательные результаты дискуссии», однако высказали оптимистическое мнение, что «в дальнейшем постановка экспериментов и разработка спорных вопросов окажутся полезными с точки зрения интересов науки».

Направляя Кольцову это решение, Муралов сопроводил его крайне агрессивным письмом, в котором обвинил ученого в мракобесии, расизме и прочих грехах, повторив от своего имени клевету лысенковцев.

Что касается Николая Ивановича Вавилова, то его иногда упрекали в том, что в дискуссиях он не стремился разоблачать своих противников и придерживался в основном оборонительной тактики.

Конечно, тактические ошибки сторонников генетики осложняли их и без того трудное положение, однако решающего значения они не имели, да и компенсировались ошибками лысенковцев. Чего стоит хотя бы нашумевшая история с опровержением законов Менделя ученицей Лысенко Н. И. Ермолаевой. Повторив классические опыты Менделя с горохом, Ермолаева торжествующе заявила, что при расщеп-

лении гибридов во втором поколении получают самые разные соотношения, а вовсе не классическое 3:1. Однако ознакомившись с данными Ермолаевой, генетики увидели, что они полностью укладываются в соотношения Менделя. В качестве третьей стороны был привлечен выдающийся математик А. Н. Колмогоров. Проанализировав данные с точки зрения теории вероятностей, он опубликовал статью под названием «Об одном новом подтверждении законов Менделя». Одна эта ошибка лысенковцев перевешивала все тактические просчеты, допускаясь Вавиловым, Кольцовым, Дубининым и другими генетиками.

Почему же крупнейшие ученые, превосходившие во много раз своих противников уровнем знаний, эрудицией, методической подготовленностью, а главное, тем, что на их стороне была научная истина, — почему же они потерпели поражение? Да потому, что дискуссия не носила научного характера. Под видом научного спора проводилась политическая кампания. Новая, «социалистическая» наука утверждала свое превосходство над старой, «буржуазной». Итог борьбы был предрешен. Не случайно Берия, требуя от Молотова согласия на арест Вавилова, инкриминировал ему «травлю академика Лысенко». В этом и была истинная вина Вавилова перед тоталитарной властью, хотя официально ему были предъявлены другие обвинения.

Следует ли из сказанного, что Лысенко был главным виновником гибели Вавилова? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что при всем могуществе «колхозного ученого» в его распоряжении не было ни НКВД, ни тюрем, ни троек, ни ГУЛАГа. Все это находилось в других, куда более сильных руках... Лысенко не был ни автором, ни режиссером спектакля: он лишь умело исполнял отведенную ему роль.

Подводя итог, можно сказать, что не Вавилов наделил могуществом Лысенко и Лысенко был не единственным виновником гибели Вавилова. Трагедия Вавилова состояла в том, что он старался оставаться свободным исследователем в тоталитарной стране, был искателем истины в стране обскурантов, человеком высокой морали среди негодяев. Неудивительно, что участь Вавилова разделили десятки преданных науке ученых, а с ними и сама наука — генетика.